

© 2012 г. Д.В. САВОВА

ПРЕДИКАТИВНАЯ СТРУКТУРА ВЫСКАЗЫВАНИЯ В БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье представлена идея о начальной стадии перехода ментальной пропозиции в речевое произведение в сознании говорящего. Согласно этой идее, в языках существуют системы синтаксических образцов, которые задают пропозиции определенную перспективу. Эти образцы составлены из основных элементов и приписывающихся им предикативных признаков. В работе представлена система таких синтаксических образцов (предикативных структур), выработанная для болгарского языка.

Как известно, в нашем сознании события из окружающей действительности получают когнитивное выражение в виде пропозиций, которые в разных языках неодинаковы, потому что формируются как элементы языковой картины мира конкретных языков. В настоящей статье пропозицией считается предельно недетализированное, синкретическое представление о данном событии, и поэтому мы согласны с точкой зрения С.Д. Кацнельсона о том, что пропозиция является мыслительным образом события, который «более непосредственно воспроизводит объективную реальность, нежели предложение. Она в этом отношении еще близка к наглядно-чувственному образу». Предикат в ней «не имеет прямого эквивалента в языке. Он может быть только описан, но не назван» [Кацнельсон 1974: 110], и включает в себя различные возможные конверсивные выражения данного значения.

Такая синкретическая пропозиция может найти языковое выражение, например, в пропозитивном существительном или в инфинитиве, но прототипической языковой формой для выражения пропозиций являются предикации, предложения.

Мы считаем, что на каком-то начальном уровне, который находится совсем близко от пропозиции, языковое сознание говорящего предпринимает один из первых шагов к языковому выражению, а отсюда – и к выражению события в речи, придавая пропозиции структуру, которую здесь будем называть **предикативной структурой** – это самая общая форма, в которой выразится вербализация; она может, кроме предиката, включать две основные семантические роли – совершителя действия¹ и пациента, а кроме этого, в зависимости от порядка слов иногда может включать и локализатор. Мы говорим об «одном из первых», а не о «первом шаге», потому что перед этим говорящий должен сделать выбор конкретного лексического варианта существующего в синкретическом виде предиката, с помощью которого назовет событие (например, он выберет один из двух конверсивных предикатов: *покупаю ~ продаю*).

Мы называем структуру, которую рассмотрим в статье, «предикативной», потому что она связана с предикацией, с репрезентированием пропозиции в виде определенных, существующих в языке типов синтаксических конструкций. Эта структура зависит от намерений говорящего в том смысле, что он может одну и ту же пропозицию (пря-

¹ Его мы называем еще **агентом**, чтобы иметь возможность использовать введенный Пражским лингвистическим кружком термин **дезагентивность** (т.е. устранение агенса, совершителя), который мы противопоставляем **агентивности** (т.е. выражению совершителя = агенса в виде подлежащего).

мос когнитивное отражение внеязыкового события) представить разными способами, выбирая различные виды предикативной структуры. Например, можем себе представить следующее событие: говорящий видит, что в комнату входит незнакомое лицо. Подготавливая свое предложение, он может «подойти» к этому событию, отталкиваясь от вошедшего лица (*Какой-то человек вошел в комнату*), от места, где совершилось событие (*В комнату вошел какой-то человек*), может игнорировать совершителя, чтобы сфокусироваться на действии (*В комнату вошли*). Или другой пример: у какого-то лица какое-то событие вызывает страх. Говорящий может об этом построить высказывание: *Девочка испугалась*, если исходит из чувствующего субъекта, но может представить это событие, выделяя психологическое состояние как в какой-то мере самостоятельное явление, которое застигает девочку: *Девочке стало страшно*.

Возможность выбора перспективы, с которой будет представлено какое-то когнитивное явление (на уровне предложения это пропозиция), существует для говорящего, конечно, и на более высоком уровне – на уровне текста (см. об этом, например, исследование У. Лабова, посвященное различным трансформациям опыта из внеязыковой действительности, которые говорящий производит в связи с каким-то более общим событием, когда организует свой устный рассказ о нем [Labov 2011]). Различную перспективу говорящий может задать и на более низком уровне, в рамках одной и той же предикативной структуры – на уровне валентностей предиката (см. примеры: *She sprayed the paint on the wall* и *She sprayed the wall with paint*, на базе которых Т. Гивон [Givón 2001] показывает, как изменение позиции прямого и непрямого дополнения приводит к выражению разных дополнительных подразумеваемых значений, связанных с ними).

Отдельные типы предикативных структур, о которых пойдет речь в настоящей статье, находятся в каждом языке в готовом виде. Хотя выбор конкретного типа зависит, конечно, от говорящего, по нашему мнению, предикативная структура не принадлежит к уровню целенаправленного употребления языковых выражений в речи, а относится к уровню предикации, выражения событий из внеязыковой действительности, который больше связан с языком и его картиной мира, чем с фигурой говорящего. В свете теории речевых актов Дж. Серль помещает этот уровень в самую основу иллокутивного акта, называя его «общим содержанием» для какой-то группы иллокутивных актов, или «суждением (пропозицией)» [Серль 1986]. Ученый формулирует два различных показателя в предложении: пропозициональный (к которому принадлежит и наша предикативная структура) и показатель иллокутивной функции. Дж. Остин тоже помещает смысл предложения (его референцию) в область локуции, отличая ее от иллокуции [Остин 1996].

1. ЧТО ТАКОЕ «ПРЕДИКАТИВНАЯ СТРУКТУРА»?

Как известно, порядок слов в разных видах предложений различается от языка к языку. Например, типичные декларативные предложения в номинативных языках связываются с так называемым прямым порядком слов: подлежащее + сказуемое /+ прямое дополнение/. Однако в таких эргативных языках, как тоба батак или малагасийский, типичный для таких предложений порядок слов имеет другую последовательность: сказуемое /+ прямое дополнение/ + подлежащее; см. об этом у Р. Ван Валина [Van Valin 2004].

В самом распространенном типе повествовательных предложений в болгарском языке – типе «подлежащее + сказуемое /+ прямое дополнение и другие части предложения/» – подлежащее обычно занимает начальную позицию. Если мы будем называть **предикативным основным элементом (ПОЭ)**, которому предикат вместе с дополнениями и обстоятельствами приписывает какой-то (глагольный или именной) признак. Такую предикативную структуру определим как «**исходный субъектный предикативный основной элемент + приписываемый предикативный признак**» (ПП). С одной стороны, начальная позиция в ней, занимаемая в конкретном случае подлежащим, обычно служит как база, от которой отталкивается развертывание дальнейшей информации в

высказывании², а с другой стороны, это развертывание совершается как приписывание предикативного признака. В этом представлении об исходном предикативном основном элементе содержится амбивалентное значение – информация в высказывании начинает развертываться от него, но одновременно с этим, развертываясь, она и приписывается ему, т.е. каким-то способом возвращается к нему; ср., например: *Девушка красива и молода*; *Моя мама сидит на диване*.

В нашем ментальном представлении о каком-то событии с агентивно³ воспринимаемым действием, которое кто-то или что-то совершает, из целостного представления о событии выделяется как более самостоятельное по сравнению со всеми остальными элементами представление о совершителе. Языковое выражение этого представления, которое является основным, прототипическим для выражения агентивных событий, тоже обычно раскладывает событие хотя бы на совершителя и на остальную часть события. К примеру, высказывание⁴ *Повариха (ПОЭ) готовит пищу (ПП)* адекватно отображает своей структурой «исходный субъектный ПОЭ + ПП» (т.е. субъект-совершитель, которому приписывается данное действие) пропозицию данного внеязыкового события с главной, порождающей действие ролью совершителя⁵. Наряду с разными синонимическими трансформациями это высказывание может подвергнуться и некоторым дезагентивным трансформациям, устраняющим агенс *повариха* с позиции исходного предикативного основного элемента и деформирующим эту адекватную структуру, например: *Пища готовится здесь*; *Здесь готовят пищу*; *Здесь готовится пища* и т.п. Во всех этих трансформациях действие, которое участвует в соответствующем референтном событии (конкретном или повторяющемся и обобщенном), сохраняет в пропозиции свою валентность для совершителя, которая, однако, в языковом выражении, еще на уровне оформления предикативной структуры, устраняется. Часто некоторые из дезагентивных трансформаций могут быть синтаксическими синонимами, ср.: *В этой комнате готовилась пища* = *В этой комнате готовили пищу* = *В этой комнате совершалось приготовление пищи* и т.д.

2. ПОНЯТИЯ О ПРЕДИКАТИВНОМ ОСНОВНОМ ЭЛЕМЕНТЕ И О ТОПИКЕ

2.1. Предикативный основной элемент и предикативная структура как часть информационной структуры высказывания

Термины **предикативный основной элемент** и **предикативная структура**, которые мы здесь ввели, являются частью пропозиционального (по терминологии Серля) уровня высказывания. Точнее, предикативная структура лежит в основе пропозицио-

² Поэтому еще в школе мы привыкли задавать вопрос: *Что делает X?*, чтобы найти сказуемое, отталкиваясь от подлежащего *X*.

³ **Агентивным** будем называть действие, в пропозиции которого усматривается наличие **агенса** (= совершителя, по другой терминологии – «актора»), в отличие от безагентивного события, которое для говорящего совершается само по себе, например: *Темнеет*; *Тянет свежестью*; *На улице темно* и т.д.

⁴ Как известно, терминами **предложение** и **высказывание** означается один и тот же языковой объект, только второй выражает употребление этого языкового объекта в речи. Так как часто не нужно, а иногда и трудно разграничить, предполагается ли, что данный пример из теоретического исследования, представляющий синтаксическую конструкцию, взят из речи, будем говорить в основном о высказывании. Основание для этого предпочтения даст нам сущность категории, которую здесь рассматриваем – она включает в качестве обязательного компонента **говорящего**, т.е. речевую ситуацию. Однако иногда мы можем как синонимический термин использовать и термин **предложение**, потому что синтаксические конструкции являются и частью языковой системы. В целях нашей работы достаточно использовать эти два термина синонимически.

⁵ Эта главная роль находит отражение в известной самостоятельности предикативного основного элемента по отношению к остальной части высказывания, а тем самым – и по отношению к предикату (об этом см. ниже).

нального значения, она является первой «организацией» пропозиции, которая диктует дальнейшее построение пропозиционального значения. Можем провести аналогию между этим представлением, связанным с пропозицией и синтаксическими конструкциями, и разделением лексем на части речи, где для одного самого общего понятия, которое отсылает к какому-то внеязыковому явлению, язык тоже предоставляет говорящему несколько «форм», в которые он это значение может вылить (ср.: *белый, белизна, белеться*).

Мы придерживаемся того в значительной степени установленного, хотя и формально не унифицированного в литературе мнения, согласно которому у одного высказывания есть больше одного основного уровня информации. В нашем понимании информационную структуру можно разделить на два основных уровня. Более глубоким уровнем является подтекст, который охватывает значения, не получающие в соответствующем высказывании эксплицитного отражения (пресуппозиции, импликации и др.). Второй уровень – это значение эксплицитного текста, которое является суммой двух видов значений: «организованного» с помощью предикативной структуры пропозиционального значения, составленного лексическими и грамматическими значениями соответствующих языковых единиц, и коммуникативной перспективы, наложенной говорящим на пропозициональное значение (т.е. вариантов в упорядочении и перспективе представления инвариантного пропозиционального значения, включающих прагматические разделения на тему / рему, данное / новое и т.д.)⁶. Предикативный основной элемент и предикативный признак принадлежат к уровню значения эксплицитного текста, и поэтому их невозможно приравнивать к разделению на **пресуппозицию** и **ассерцию**, связанному с отношением подразумеваемое (остающееся невыраженным, имплицитное) ~ утверждаемое (что означает нечто иное по отношению к эксплицитному). Предикативный основной элемент не совпадает и с **темой**, **данным** и т.п., потому что, находясь в начале предложения и являясь исходным предикативным основным элементом, он связан не со сказанным или несказанным в предшествующем тексте, а с тем, что он дает начало развертыванию информации в пределах самого высказывания, а кроме того, часто его отличает более ограниченный охват по сравнению с охватом темы.

Прототипическая для агентивного события предикативная структура в болгарском языке представлена в двусоставном повествовательном предложении с порядком слов С-П (С – субъект, П – предикат). В нем предикативный основной элемент включает группу подлежащего, которой предикат приписывает какой-то предикативный признак. Этот признак можно выразить и глаголом, и именем, например: *Дъщеря ми свири на пиано в стаята / е много весела* ‘Моя дочь играет на фортепьяно в комнате / очень веселая’ и т.д.⁷, причем предикативный основной элемент вместе с предикативным признаком образуют целостное языковое отображение внеязыкового события.

⁶ Ср. и другие представления об информационной структуре предложения в том же духе: так, для Ламбрехта информационная структура – «это компонент грамматики предложения, в котором пропозиции как концептуальные отражения положений дел связаны с лексико-грамматическими структурами в соответствии с ментальным состоянием говорящих, употребляющих и интерпретирующих эти структуры как единицы информации в данных контекстах» [Lambrecht 1996: 5] (здесь и далее перевод наш. – Д.С.); ср. также представление Б. Бирнер и Г. Ворда об информационной структуре и ее связи с отношением данная ~ новая информация для дискурса и/или для слушающего, с каноническим и неканоническим порядком слов и т.п. [Birner, Ward 2009] и др.

⁷ Возможен и вариант двусоставного предложения с тем же самым порядком слов, в котором начальная позиция будет занята иным членом синтаксической структуры, например: *В стаята дъщеря ми свири на пиано* ‘В комнате моя дочь играет на фортепьяно’, причем и в этом варианте предикативная структура – исходный ПОС + ПП, а синтагма в начале высказывания представляет собой какое-то обстоятельство, касающееся выражаемой пропозиции и помещенное в топикс. Важно в этом варианте то, что в нем отмечается маркированный порядок слов, о чем пойдет речь дальше.

Предикативный основной элемент для нас не просто синтаксическое понятие, которым называем начальную позицию в предложении; согласно нашему пониманию, у него есть свое соответствие в когнитивной сфере речевой деятельности. Когда говорящий производит какое-то высказывание, он мысленно «ступает», «опирается» на исходный предикативный основной элемент, придавая ему известную самостоятельность по отношению к предикату, и на этой опоре продолжает построение остальной части своего высказывания. В виде метафоры исходный предикативный основной элемент можно представить освещенной точкой в содержании⁸ высказывания, к которой ментальный «взгляд» говорящего / слушающего устремляется в самом начале, затем высматривая от нее и следующие элементы этого содержания. Или иначе говоря: предикативный основной элемент – это отправная точка, от которой говорящий начинает вести слушающего к раскрытию информации.

2.2. Существующие в литературе близкие понятия

Как известно, терминология, как и вообще теоретическое освещение коммуникативной сферы языка, характеризуется на сегодняшнее время недостаточной установленностью и разработанностью. К представленному здесь понятию о предикативном основном элементе в существующей литературе приближаются отдельные термины, чаще всего, однако, идентифицирующиеся с подлежащим (в теоретическом осмыслении которого тоже не достигнуто единомыслие).

Например, С. Кацнельсон в процитированной выше статье говорит, что субъект (т.е. совершитель действия) – это тот аргумент, «который облечен функцией темы и, как правило, притягивает к себе интенцию предиката» [Кацнельсон 1974: 119]. В другой своей работе ученый выявляет основную функцию темы: она придает сообщению единство, соединяя его отдельные составные части в связное речевое произведение [Кацнельсон 1972]. Хотя в упомянутых исследованиях просматривается неунифицированность терминов в этой области языкознания (потому что автор говорит о субъекте в узком и в широком смысле, т.е. о подлежащем и о совершителе действия, а также и о теме, которой приписывает свойства, отличающиеся от традиционного понимания), идея о том, что какой-то составной элемент синтаксической и семантической структуры высказывания притягивает предикат, обеспечивая языковому сообщению единство, соответствует нашей идее о предикативном основном элементе, которому приписывается предикативный признак.

М. Нунэн пишет об «ориентации», или «рамке», связывая ее с начальной позицией в предложении. Хотя автор подчеркивает, что в английском языке, в отличие, например, от русского и испанского языков, чаще всего «подлежащее <...> задает также и ориентацию внутри предложения, или точку зрения для этого предложения, отграничивая рамку, в пределах которой интерпретируется остальная часть предложения» [Нунэн 1982: 364], он считает, что эта ориентация, или рамка, может и не совпадать с подлежащим. Эта точка зрения в большой степени приближается к представлению о предикативном основном элементе, которое мы здесь предлагаем, но с уточнением, что ориентация – это в сущности функция, выполняющаяся этим предикативным основным элементом.

В связи с названной выше ориентацией, или рамкой, Нунэн рассматривает и такие случаи, как русские предложения *Борис ударил Ивана* и *Ивана ударил Борис*, из которых второе в нашем теоретическом осмыслении будет иллюстрировать представление не о предикативном основном элементе, а о другом основном явлении – топике (впрочем, и другие авторы [Ли, Томпсон 1982] тоже связывали это явление с понятием о топике). Нунэн о топике пишет следующее: «Термин *топик* будет относиться здесь к таким ориентациям предложений, которые не являются одновременно подлежащими

⁸ Под **содержанием** высказывания понимаем его эксплицитно выраженную семантику, представленную в линейном виде, подобно тому как содержание книги, фильма и др. тоже представляет собой линейную последовательность.

ми» [Нунэн 1982: 370], отмечая, что топик не входит обязательно в какие-то отношения с глаголом (предикатом). Примеры, которые автор приводит для топики в английском языке, не подходят для болгарского; у топики в болгарском языке, по нашему мнению, есть другая особенность – дополнение в нем всегда дублирует краткая форма личного местоимения, например: *Момичето го извика майка му* (букв. 'Девушку ее позвала ее мать'). Но и мы, как Нунэн, говорим о топике, когда начальную позицию в предложении не занимает подлежащее (с нашей точки зрения, однако, топик не совпадает и с предикативным основным элементом, тогда как у Нунэна топик, скорее всего, всегда совпадает с так называемой ориентацией).

В какой-то мере можно говорить о сходстве предложенного здесь понятия о предикативном основном элементе с «прагматическим пиком» Ван Валина и Фоли. Они определяют это понятие как «прагматически наиболее значимую именную группу в простом предложении» [Ван Валин, Фоли 1982: 390], утверждая, что прагматическую значимость задают, с одной стороны, выявленность в дискурсе (т.е. определенность, конкретность и данное), а с другой стороны – то, что «называется „фокусом интереса“ говорящего» [Там же: 389].

Соответствие мы можем найти и во взглядах У. Чейфа, который подчеркивает, что «один из основных, а возможно и единственный способ сообщения нового знания, состоит в том, чтобы, приняв некоторый объект за исходную точку, сообщить слушающему дополнительную информацию об этом объекте» [Чейф 1982: 300], что созвучно с нашим представлением об исходном предикативном основном элементе как об отправной точке, от которой далее разворачивается содержание высказывания. Автор останавливается на эксперименте, описанном в статье Перфетти и Голдмен, в ходе которого было установлено, что «подлежащее оказывается чрезвычайно эффективным средством восстановления того предложения, в которое оно входит, даже тогда, когда в предшествующем контексте речь шла главным образом о чем-то другом» [Там же: 301]. Если сделаем оговорку, что эта констатация имеет силу для подлежащего, которое совпадает с предикативным основным элементом, она подтверждает большую когнитивную очерченность предикативного основного элемента в сознании говорящих.

В своем исследовании, посвященном актуальному членению, О. Селиверстова и Л. Прозорова употребляют, хотя и не вводят в качестве специального термина, понятие «исходная точка сообщения», от которого далее разворачивается информационная структура высказывания; это понятие тоже в большой мере соответствует нашему исходному предикативному основному элементу [Селиверстова, Прозорова 1992].

Самое большое соответствие нашему представлению о предикативном основном элементе, точнее об **исходном субъектном** предикативном основном элементе (далее мы представим и другие его разновидности), находим у А.В. Бондарко, который определяет понятие о «носителе предикативного признака (НПП)» следующим образом: «Говоря о НПП, мы имеем в виду подлежащее и другие синтаксические единицы, выполняющие функцию предиктируемого компонента синтаксической структуры предложения, которому соответствует семантический субъект (в пассивных конструкциях – объект), выступающий как субстанция, которой приписывается предикативный признак» [Бондарко 1992: 54–55]. К основному типу НПП (с дискретным выражением) автор причисляет НПП, представленный подлежащим (*Директор подписал документ; Он филолог*), заместителями подлежащего (*Куришь вредно; Пришло более двухсот человек*), главным членом определительного сочетания (*Директору, подписавшему документ, сказали...*). Ко второму типу НПП (с недискретным выражением) автор приводит следующие примеры, в нашей концепции являющиеся разными видами предикативного основного элемента, которые мы называем **имплицитными**: *Люблю тебя; Клянемся!; Пиши!; Звонят; Не знаешь, что и делать*. Однако, рассматривая этот второй тип глагольных форм в другой своей работе, автор утверждает, что соответствующий НПП содержится в самой форме сказуемого: «В одной и той же глагольной словоформе представлены как предикативный признак, так и его носитель» [Бондарко 1991: 132]. Мы же в случаях, подобных приведенным выше русским примерам, говорим о разных видах

имплицитных предикативных основных элементов, которые не содержатся в глагольной форме, а подразумеваются из речевой ситуации или из контекста, т.е. мы не считаем, что основным средством для выражения носителя предикативного признака является глагольное окончание (хотя, конечно, оно тоже способствует этому). В таком примере, как *Донесоха ми книгата ти* 'Мне принесли твою книгу', только речевая ситуация, контекст, но не глагольное окончание может решить, идет речь об агентивном предикате с подразумеваемым агенсом или о дезагентивном неопределенно-личном предикате, ср.:

Вчера при мен идваха твоите братя. Донесоха ми книгата ти 'Вчера ко мне приходили твои братья. /Они/ мне принесли твою книгу';

Някой ми донесе книгата ти 'Кто-то мне принес твою книгу'.

Представление А.В. Бондарко о предложении включает кроме НПП и предикативный признак, который ученый определяет как «приписываемый субъекту и способный сочетаться с объектом семантический признак действия, состояния, отношения, бытия (существования)» [Бондарко 1992: 32]. Такое представление подобно нашей идее о предикативной структуре, о которой выше шла речь (у нас, однако, это не единственный возможный вариант предикативной структуры).

2.3. Понятие о топике в концепции о предикативной структуре

Обычно в двусоставном предложении в болгарском языке начальную позицию в предложении занимает подлежащее. В этом случае, на наш взгляд, начальная позиция объединяет в себе два отдельных синтаксических явления: исходный субъектный предикативный основной элемент (отправную точку в развертывании содержания высказывания, которой приписывается предикативный признак) и подлежащее (главную, первую валентность предиката, которая его грамматически подчиняет). Когда начальную позицию в предложении не занимает **исходный** предикативный основной элемент, мы будем говорить о **топике**. В литературе как будто нет возражений против утверждения, что топик находится в начале предложения, тогда как о других его свойствах мнения часто не совпадают. Обычно этот термин употребляется как синоним термина **тема** (иногда – «данное») в высказывании, противопоставленного **реме** (в других терминологиях – «новому», «комментария», «фокусу»); см. об этом [Lambrecht 1996; Büring 1997; Schiffrin 2001; Van Valin 2004] и др.⁹. Более подробно можно ознакомиться с современной разнообразнейшей картиной мнений о топике в монографии [Jaszczolt 2002], где автор представила существующие употребления этого термина в значениях части структуры предложения, дискурсивного топика, топик-рамки (= пресуппозиционного фонда), топика говорящего и т.д., предлагая в конце и свое понимание топика как «то, о чем говорится в дискурсе или предложении» и отмечая, что «топик предложения не обязательно совпадает с субъектом» [Там же: 165].

Согласно нашей концепции, **топик** в болгарском языке представляет собой позицию в самом начале высказывания, но только в том случае, когда в ней не расположен **исходный** предикативный основной элемент, причем, когда в ней находится пациенс или адресат выражаемого действия¹⁰, важно то, что заполненный топик выполняет две прагматические функции. С одной стороны, с помощью топика говорящий прямо указывает собеседнику на то, о каком объекте пойдет речь в данном высказывании, например: *Подаръка го донесоха твоите родители*¹¹ 'Подарок принесли твои родители';

⁹ Интересно представлен с когнитивной точки зрения топик (= референт) в статье Т. Гивона [Givón 1992], где рассмотрены механизмы, которые сохраняют и активизируют топики в эпизодической памяти.

¹⁰ В ней могут находиться и другие части предложения, как это имеет место в вопросительных предложениях, в предложениях, выражающих эмоции, и т.д., но такие случаи здесь не рассматриваются.

¹¹ Для болгарского языка, как мы уже упомянули, в топике характерно дублирование кратким

За кучето си не се безпокойте 'О своей собаке не беспокойтесь'. С другой стороны, этот объект, как правило, был уже ранее введен в текст и известен слушающему¹². Таким образом, топик выполняет и вторую свою функцию: он обеспечивает связь данного высказывания с предшествующим текстом. Поэтому можно сказать, что заполненный пациенсом или адресатом топик играет в тексте роль коннектора: этой своей разновидностью предикативная структура непосредственно связывается с более высоким уровнем – уровнем текста и его построения. Именно эта связанная с построением текста семантика, по нашему мнению, дает основание некоторым авторам приравнивать топик к теме, но для нас эти термины не отражают одно и то же синтаксическое явление, потому что тема может включать более широкую часть эксплицитно выраженной семантики высказывания (может включать, кроме топика, и исходный предикативный основной элемент, и даже предикат, например: *Етот браслет* (топик + часть темы) *твоя бабушка мне подарила* (остаток темы) *пять лет назад* (рема)), а может и не находиться в самом начале предложения. Когда в начальной позиции нет топика, а есть исходный предикативный основной элемент, синтаксическая конструкция имеет **немаркированный** порядок слов, а когда в ней заполнен топик, охватывающий некоторую часть высказывания, которая не совпадает с исходным предикативным основным элементом, а чаще всего -- и с подлежащим, порядок слов становится **маркированным** (ср. немаркированные варианты приведенных выше предложений: *Твоите родители донесоха подаръка* 'Твои родители принесли подарок'; *Не се безпокойте за кучето си* 'Не беспокойтесь о своей собаке').

3. ОСНОВНЫЕ ВИДЫ ПРЕДИКАТИВНОГО ОСНОВНОГО ЭЛЕМЕНТА И ПРЕДИКАТИВНОЙ СТРУКТУРЫ

Итак, самой характерной чертой использованного здесь понятия о предикативном основном элементе является то, что предикат приписывает ему как относительно более самостоятельному семантическому элементу какой-то признак, причем вместе предикативный основной элемент и предикативный признак образуют предикацию, которая представляет данное внеязыковое событие как единое целое. Как мы уже отметили выше, прототипический для агентивного события вид предикативной структуры в болгарском языке представлен в двусоставных повествовательных высказываниях типа:

(1) *Хората на улицата разговарят* 'Люди на улице разговаривают'

с препозитивным подлежащим в роли предикативного основного элемента и с предикативным признаком, выражаемым глагольным предикатом и приписывающим ему признак-действие; или

Хората на улицата са радостни 'Люди на улице радостны'

с именным предикатом, который ему приписывает признак-характеристику.

В языке сформировались и другие модели предикативной структуры агентивных и дезагентивных высказываний, которые далее модифицируют эту основную, прототипическую языковую модель агентивного события.

Можем, например, привести трансформации представленного выше высказывания (1), в болгарском языке связанные с порядком слов в высказывании и с наличием / отсутствием постпозитивного определительного члена в форме подлежащего, которые из-

личным местоимением прямого дополнения и косвенного дополнения с предлогом *на* (т.е. аргументов с семантической ролью пациенса и адресата).

¹² Невозможный объект может занимать эту позицию только в интродуктивном предложении, например: *Едно момче веднъж майка му го изпрати на гости при баба му* 'Одного мальчика как-то раз мать послала в гости к бабушке'.

меняют предикативный основной элемент. В предложении (2) опять представлена двусоставная структура, но с постпозитивным подлежащим (т.е. предикат + субъект) в форме без определительного члена:

(2) *На улицата разговарят хора* 'На улице разговаривают люди'

С одной стороны, в таких предложениях исходный предикативный основной элемент в начальной позиции уже включает не подлежащее, а **локализатор** – *на улицата* 'на улице'. С другой стороны, предикативный признак, приписываемый этому локализатору (*что происходит на улице, почему говорящий ее упоминает?*), представляет отображение одного целостного события, которое вводится в речевой «кругозор» слушающего и приписывается локализатору *на улицата*. Однако в таких предложениях у предиката (мы назовем его **вводящим**) есть и другая основная функция: он вводит свое подлежащее как новую информацию в кругозор слушающего. Подлежащее снова займет позицию предикативного основного элемента, который в этот раз назовем **ожидаемым**. Таким образом, мы можем определить обратный порядок слов П – С как характерный (и немаркированный) именно для высказываний с вводящим предикативным признаком, который вводит как неупомянутого перед этим совершителя действия. Этот вид предикативной структуры: **/исходный локативный ПОЭ/ + вводящий ПП + ожидаемый ПОЭ**, представляет, по нашему мнению, другую основную разновидность предикативной структуры в болгарском языке, а в зависимости от того, есть ли в ожидаемом предикативном основном элементе агенс, или там находится пациенс, высказывание может быть агентивным или дезагентивным (конкретнее – пассивным). Локализатор заключаем в скобки, потому что он может и не эксплицироваться, хотя тогда будет подразумеваться. Это означает, что всегда в случае вводимого события с предикативной структурой второго основного типа (**вводящий ПП + ожидаемый ПОЭ**) это событие где-то локализуется, эксплицитно или имплицитно.

Как мы сказали, устранение агенса и из **ожидаемого** предикативного основного элемента превращает высказывание в болгарском языке из агентивного в дезагентивное, ср.: *По коридора непрекъснато минаваха някакви хора* 'По коридору все время проходили какие-то люди' (агентивное) ~ *По коридора непрекъснато се минаваше* 'По коридору все время проходили' (дезагентивное), буквально это предложение переводится с болгарского как 'По коридору все время проходило'.

В таких вводящих данное событие высказываниях кроме исходного предикативного основного элемента, который представлен другой своей разновидностью – **локативным** предикативным основным элементом, в рамках вводимого события содержится и второй предикативный основной элемент на втором уровне – «ожидаемый» предикативный основной элемент, потому что в болгарском языке произнесенная фраза: *На улицата разговарят...* 'На улице разговаривают...' вызывает ожидание носителя выражаемого предикативного признака: *хора*¹³ 'люди', т.е. этот ожидаемый предикативный основной элемент представляет для участников речевой ситуации когнитивную реальность. Он заканчивает, стабилизирует незаконченную без него предикативную структуру. Ожиданию постепенно поступающего языкового материала в произведении и рецепции языкового выражения особое значение придают, например, Р. Богранд и В. Дреслер, которые применяют к этим процессам процедуральный подход, т.е. рассматривают их

¹³ Роль в толковании таких случаев со стороны слушающего играет и интонация высказывания, которая должна сигнализировать о незаконченности. Если интонация в этом примере будет выражать законченность, может подразумеваться и ?*На улицата разговарят* 'На улице разговаривают' в неопределенно-личной конструкции, хотя в болгарском языке, в отличие от русского, глагол *разговарям* 'разговаривать' в сочетании с локализатором *на улицата* 'на улице' не подходит для такой конструкции. В болгарском языке употребление неопределенно-личной формы обязательно предполагает, что конкретный устраненный агенс можно в какой-то степени восстановить из контекста, тогда как в приведенном высказывании это невозможно.

динамически, как применение стратегий с ошибочными и подтвержденными ожиданиями со стороны говорящего. В работе [Богранд, Дреслер 1995] цитируется исследование Стивенса и Румельгарда, в котором авторы «приходят к выводу, что синтаксические предсказания информантов о том, как с одного определенного места будут продолжаться тексты, приблизительно в 75 % случаев совпадают» [Там же: 59]¹⁴. Сравним также и динамическую модель Д. Шифрин, которая считает, что «коммуникативное значение конструируется в процессе взаимодействия говорящего и слушающего и возникает из совместно распознаваемых последовательностей ожиданий и случайных событий в процессе смены коммуникативных ролей» [Schiffrin 2001: 67].

Мы могли бы, конечно, говорить и о других «ожидаемых» синтаксических элементах в предложении; например, предикат подобным образом вводит и свое прямое дополнение (когда оно является его обязательной валентностью), ср.:

Учениците носят... дневника/топката/тетрадките ‘Ученики приносят... дневник/меч/тетради’.

Здесь, однако, мы не можем говорить о предикативном основном элементе, потому что предикат не приписывается пациенсам, а скорее наоборот – они ему приписываются, дополняют его.

Когда вводящий предикат приписывает предикативный признак **ожидаемому** предикативному основному элементу, который всегда играет роль подлежащего, он разделяет с ним общие для имени и глагола категории (число и, если форма различает, род) и принимает личную форму в зависимости от характера предикативного основного элемента (существительное и местоимение в 3 л., местоимение в 1 или 2 л.), ср.:

Под чадъра на терасата е седнала майка ми / сте седнали вие ‘Под зонтом на террасе уселась моя мать / уселись вы’.

Та же самая закономерность обязательна и для **исходного** предикативного основного элемента¹⁵. К другому вводимому члену предложения предикат не выражает подобной зависимости. Тот факт, что предикат разделяет грамматические особенности предикативного основного элемента, означает, что разделение в рамках предикативной структуры совершается ранее, чем оформление грамматических категорий в предложении.

Соответствие нашим двум основным разновидностям предикативной структуры можно найти в работе [Шахтер 1982], где автор определяет значение двух типов предложений: (а) *The book is on the table* и (б) *There is a book on the table* – как значение местонахождения и значение существования. П. Шахтер приходит к выводу, что рассматриваемые синтаксические структуры совершенно различны и что эта разница – широко распространенное в языках явление. Исследователь утверждает, что «в локативном предложении», т.е. в (а), «локализуемая сущность <...> выражена подлежащим, а в экзистенциальном предложении», т.е. в (б), «экзистент <...> синтаксически выражен как часть сказуемого» [Там же: 330]. Далее автор делает обобщение, что в разных языках у экзистенциальных предложений есть или структура без подлежащего, или конструкция с фиктивным подлежащим. Эти наблюдения, сделанные только на основе локативных отношений, соответствуют нашему разделению предикативной структуры немаркиро-

¹⁴ О таком внутреннем «ожидании» последующих языковых элементов в речи говорит, например, и М. Пфютце [Пфютце 1978], называя такие языковые средства прямонаправленными, но он рассматривает их на более высоком уровне – на уровне межфразовых связей – и выдвигает перед ними большие семантические ограничения.

¹⁵ В синкретических номинативных языках к согласованию предиката с совершителем действия добавляется и оформленность субъекта основным падежом (номинативом); ср. иное положение дел в языках с эргативно-абсолютивной моделью падежей, где субъект получает падежное оформление в соответствии не со своей семантикой совершителя действия, а с транзитивной / интранзитивной семантикой предиката; см. [Van Valin 2004].

ванных высказываний на два основных типа: на **исходный субъектный ПОЭ + приписываемый ПП** (которому локативное предложение соответствовало бы как одна из его разновидностей) и на **вводящий предикативный признак с ожидаемым предикативным основным элементом, т.е. вводящий ПП + ожидаемый ПОЭ** (одной из разновидностей которой является экзистенциальное предложение). Английскому порядку слов (в приведенных выше предложениях), при котором независимо от семантических и формальных различий между двумя вариантами сохраняется положение подлежащего перед сказуемым, в некоторых славянских языках – например в болгарском и русском – соответствуют два типа порядка слов в зависимости от намеченных двух типов предикативных структур (в их немаркированном варианте). При указании на местонахождение данного объекта эти языки строят высказывание по модели с **исходным субъектным предикативным основным элементом (ПОЭ + ПП)** и с порядком слов **С – П**, тогда как в экзистенциальном предложении, которое утверждает наличие чего-либо в каком-то локализаторе, высказывание должно иметь немаркированный порядок слов по модели: **вводящий предикативный признак + ожидаемый предикативный основной элемент**, соответственно **П – С**. Болгарский язык, однако, эксплицирует семантическую разницу и с помощью иного предиката, тогда как в русском языке другой формальной разницы, кроме разницы в порядке слов, нет; ср.:

болг. *Книгата е на масата ~ На масата има книга;*
 русск. *Книга на столе ~ На столе книга.*

Таким образом, первый вариант немаркированного порядка слов, с исходным субъектным предикативным основным элементом, является прототипическим для подлежащего, выражаемого определенной дескрипцией, которой приписывается предикативный признак; второй вариант является прототипическим для синтаксической семантики введения события как единого целого (поэтому П. Шахтер считает, что в экзистенциальном предложении экзистент является частью сказуемого), с вводящим предикатом и ожидаемым предикативным основным элементом, выражаемым неопределенной дескрипцией. Представление о прототипическом варианте, конечно, не отрицает существования также и периферийных проявлений, подчиненных обратной тенденции, ср.: *На дивана е твоята книга* ‘На диване – твоя книга’ (вводящий предикат с определенной дескрипцией в роли ожидаемого предикативного основного элемента) и *Един човек много обичал да пътува* ‘Какой-то человек очень любил путешествовать’ (с неопределенной дескрипцией в позиции исходного предикативного основного элемента). Но в болгарском языке все же невозможно, чтобы неопределенная дескрипция заняла это место в экзистенциальном предложении с немаркированным порядком слов (с глаголом *съм* или с безличным предикатом *има*): **Една книга има/е на дивана* ‘Одна книга – на диване’.

Наши рассуждения подтверждает один интересный пример различия в значении высказываний, который приводит Б.А. Успенский [Успенский 1970: 29], хотя и не с экзистенциальным предикатом, а с предикатом с семантикой динамического действия: (а) *Вошла Наташа* / (б) *Наташа вошла*. Для этих предложений мы бы определили предикативные структуры соответственно: **исходный субъектный ПОЭ + ПП** и **вводящий ПП + ожидаемый ПОЭ**. В первом предложении автор видит внутренний монолог, т.е. переход к точке зрения (фразеологической) самого наблюдающего героя, который констатирует вхождение Наташи, поясняя, что «мы, читатели, не можем знать кто такая Наташа, но нам предлагается точка зрения не внешняя, но внутренняя по отношению к воспринимаемому герою». О втором предложении автор замечает, что «синтаксическая организация предложения такова, что не может соответствовать ни восприятию героя, ни восприятию абстрактного постороннего наблюдателя; скорее всего, тут используется точка зрения самой Наташи» [Там же]. В своей концепции мы не используем термин **точка зрения**, потому что то же самое прагматическое значение усматривается и у неодушевленных объектов, у которых нет точки зрения; разница в значении двух

предложений, рассматриваемых Успенским, как мы сказали, состоит в различных предикативных структурах: для (а) – **вводящий** ПП + **ожидаемый** ПОЭ; для (б) – **исходный** ПОЭ + ПП.

Представленное здесь разделение на две основные предикативные структуры может найти подтверждение и в примерах, которые анализирует в одной своей работе К. Ламбрехт [Lambrecht 1996]. Автор представляет себе ситуацию, предполагающую употребление интродуктивного предложения: в автобус входит новый пассажир и сообщает людям, которые уже там сидят, почему он тоже будет ехать на автобусе. Входя в автобус, этот человек на английском языке использует высказывание *My car broke down* с логическим ударением на субъекте *my car*. В духе нашей терминологии этим высказыванием говорящий вводит целое событие, включая и выраженный определенной дескрипцией субъект *my car*, в кругозор слушающих в качестве новой информации, что соответствует нашему пониманию о **вводящем** предикате и **ожидаемом** ПОЭ. Однако порядок слов С – П в этом английском предложении соответствует нашей предикативной структуре с **исходным субъектным** ПОЭ, которая в немаркированном виде в болгарском языке не может иметь значения введения целостного нового события. Далее автор приводит перевод английского предложения на итальянский язык: *Mi si e rotta la macchina*, где предикативная структура будет иной. В ней субъект *macchina* вводится в кругозор слушающих в позиции **ожидаемого** ПОЭ после предиката. В болгарском языке этим двум предложениям тоже будет соответствовать предикативная структура с **вводящим** предикатом и с **ожидаемым** ПОЭ *колата* после предиката: *Счупи ми се колата* ‘У меня сломалась машина’¹⁶. Эта болгарская предикативная структура для введения нового события является немаркированной. То же самое событие говорящий может ввести как новое и предикативной структурой с субъектом в начальной позиции: *Колата ми се счупи* ‘Машина у меня сломалась’, но тогда эта структура будет маркированной. В ней вводимый в текст **ожидаемый** ПОЭ *колата* вместо позиции после предиката находится в **топике**¹⁷, и на него падает логическое ударение.

Сам автор анализирует английский пример и его итальянское соответствие¹⁸, применяя семантический, прагматический, просодический и синтаксический критерии, и приходит к выводу, что если в английском языке синтаксическая структура в приведенном примере немаркирована, а просодическая (с логическим ударением в начальной позиции вместо немаркированной конечной позиции) маркирована, в итальянском предложении просодическая структура немаркирована, а синтаксическая – маркирована.

Другой подход к таким синтаксическим структурам, которые включены в более общую группу структур с неканоническим порядком слов, применяют Б. Бирнер и Г. Ворд [Birner 2006; Birner, Ward 2009], считая такие структуры чувствительными к статусу, который их элементы имеют по отношению к дискурсу и к слушающему (авторы анализируют отношение составных элементов к новой / старой для дискурса / для слушающего информации).

Вернемся теперь к нашим трансформациям ранее приведенного высказывания (1). Возможна (подобно приведенному выше предложению *На масата е твоята книга*) и следующая трансформация:

(3) *На улицата разговарят твоите хора* ‘На улице разговаривают твои люди’,

¹⁶ Местоимение в дательном падеже выполняет роль **экспериментивного** ПОЭ, которому приписывается ПП (о нем см. ниже). В итальянском и русском языках этот ПОЭ занимает начальную позицию в предложении, но в болгарском языке немаркированным является употребление краткой формы местоимения (*ми* вместо *на мене*), которая невозможна в начальной позиции.

¹⁷ Это не исходный ПОЭ, а топик, потому что иначе бы дублировался **экспериментивный** ПОЭ *ми* ‘у меня’.

¹⁸ В [Lambrecht 1996] рассматривается еще и французский аналог высказывания, который является сложным предложением.

где подлежащее снова постпозитивно, но у него уже есть определительный член, т.е. оно является определенной дескрипцией. В (3), следовательно, исходному **локативному** предикативному основному элементу *на улицата* опять приписывается как предикативный признак событие, чей предикат вводит в выражаемую ситуацию свое подлежащее, но оно в принципе уже известно для слушающего. В рамках этого вводимого предикатом события, которое затрагивает известное подлежащее, можем снова выделить на втором уровне структуру с **вводящим** предикативным признаком (*разговарят*) и с **ожидаемым** предикативным основным элементом (*твоите хора*). К **исходному локативному** предикативному основному элементу можно ввести и событие с безличным **вводящим** предикатом, например: *На улицата има хора* 'На улице есть люди'.

Локативный исходный предикативный основной элемент может выступать в двух семантических разновидностях: 1) когда он кореферирует с заданным в предшествующем тексте локализатором; 2) когда он изменяет точку зрения. Метафорически его значение можно сравнить с биноклем, который фокусирует мысленный взгляд, переходящий с одной точки на другую. Ср. пример со значением, определенным в 1):

В стаята беше тъмно и неуютно. В един момент обаче токът дойде и стана светло. Точно тогава в стаята влязоха твоите хора 'В комнате было темно и неуютно. Вдруг, однако, электричество включили и стало светло. Именно тогда в комнату вошли твои люди'.

Пример для значения 2):

В стаята беше тъмно и неуютно, всички бяха напрегнати. Точно тогава в двора влязоха твоите хора 'В комнате было темно и неуютно, все были напряжены. Именно тогда во двор вошли твои люди'.

О специфике фокуса см. и у Т.А. ван Дейка, который подчеркивает, что «главное свойство фокуса как раз и состоит в *перемене фокуса*. Таким образом, вполне может оказаться, что в поверхностной структуре текста специфическими средствами обозначаются не сами фокализованные элементы как таковые, а лишь перемена фокуса». Среди средств, которыми выражается перемена в фокусе, Дейк указывает и на начальную позицию в высказывании под ударением [ван Дейк 1978: 322].

Чаще всего **локативный исходный** предикативный основной элемент имеет пространственную семантику; такое обстоятельственное пояснение только меняет фокус или задерживает его на месте, где совершится событие с **вводящим** предикативным признаком и **ожидаемым** предикативным основным элементом. В отличие от этого, обстоятельственные пояснения с темпоральным значением чаще всего занимают позицию в **топике** и выполняют специфическую прагматическую задачу (разновидность двух вышеупомянутых основных прагматических задач топика). Они служат говорящему сигналами того, что прежняя повествовательная нить прерывается и начинается новая, причем повествование ведется с перспективы исходного субъектного предикативного основного элемента, ср.:

В стаята беше тъмно и неуютно. След няколко минути обаче твоите хора влязоха и атмосферата се подобри 'В комнате было темно и неуютно. Через несколько минут, однако, твои люди вошли и атмосфера улучшилась'.

(ср. и выражение *точно тогава* 'именно тогда' из примеров, приведенных выше, которое выполняет ту же самую роль). Темпоральная семантика намного реже может выполнять роль исходного локативного предикативного основного элемента, который бы служил базой для введения нового события с **ожидаемым** предикативным основным элементом, как это наблюдается, например, в предложении *През пролетта цъфтят цветята и грее слънце* 'Весной цветут цветы и греет солнце' с немаркированной предикативной структурой: /**исходный локативный ПОЭ**/ + **вводящий ПП** + **ожидаемый**

ПОЭ, что объясняется именно неприспособленностью темпоральной семантики к характеристике – в отличие от пространственной¹⁹.

4. ДРУГИЕ ВИДЫ ПРЕДИКАТИВНОГО ОСНОВНОГО ЭЛЕМЕНТА И ПРЕДИКАТИВНОЙ СТРУКТУРЫ

В речи, конечно, встречаются и такие нераспространенные предложения, как, например, *Звъни се!* 'Звонят!' (букв. 'Звонится!'), в которых устранен локализатор (ранее мы указали на эту возможность скобками, в которые в приведенной выше схеме заключили эксплицитный исходный локативный предикативный основной элемент). В предикации тогда остается выраженным только предикативный признак, который, однако, не приписываясь лексически выраженному локализатору, закрепляется за таким имплицитным локализатором, который назовем термином **ситуативный ПОЭ**. Под этим термином мы имеем в виду подразумеваемое место, составляющее элемент выражаемой ситуации. В этом третьем виде предикативной структуры отсутствуют как исходный (субъектный или локативный), так и ожидаемый предикативный основной элемент.

Другой разновидностью имплицитного предикативного основного элемента является **дейктический ПОЭ**. Например, в речевой ситуации прямого диалога для высказываний в 1 и 2 л. в болгарском языке немаркированной является синтаксическая структура с опущенным подлежащим²⁰, например:

Занесох ти палтото на химическо чистене '/Я/ Отнесла твоё пальто в химчистку';
Разказа ли на учителката за Иван? '/Ты/ Рассказала учительнице про Ивана?' и т.д.

Введение подлежащего в такие структуры в болгарском языке делает их маркированными каким-то специфическим семантическим нюансом, потому что, на наш взгляд, это подлежащее (*я*; *ты*) входит в топик (а не в позицию исходного предикативного основного элемента) и в ситуации прямого диалога формально является избыточным, потому что дублирует **дейктический ПОЭ**. Так, следующий вариант (без логического ударения) может подразумевать частицу *все пак* 'все-таки':

Аз ти занесох палтото на химическо чистене 'Я отнесла твоё пальто в химчистку'
= *Аз ти занесох все пак палтото* 'Я все-таки отнесла твоё пальто';

Ти разказа ли на учителката за Иван? 'Ты рассказала учительнице про Ивана?'

= *Ти разказа ли все пак на учителката за Иван?* 'Ты рассказала все-таки учительнице про Ивана?'

Эта фраза может подразумевать и упрек собеседнику в результате противопоставления: = *Аз ти занесох палтото, а ти не искаш да ми направиш тази услуга* 'Я отнесла твоё пальто, а ты не хочешь мне услужить' и др.

Мы называем рассматриваемый тип имплицитного предикативного основного элемента «**дейктическим**», потому что он содержится в самой речевой ситуации. Поэтому, в отличие от приведенных выше предложений с агенсом в 1 или 2 л., если снова в прямом диалоге говорящий скажет своему собеседнику без предварительного текста: *Върнаха се в неделя* 'Возвратились в воскресенье' с предикатом в 3 л., собеседник не будет знать, кому приписывается предикативный признак. Говорящий потерпит коммуни-

¹⁹ Ср. этот пример с предложением: *През пролетта Иван живя на село* 'Весной Иван жил в деревне', где тот же самый локализатор уже расположен в топике и сигнализирует о начале новой повествовательной линии об Иване.

²⁰ К. Иванова и Р. Ницолова по этому поводу отмечают: «...в болгарском языке, в отличие от таких языков как немецкий, французский и английский, личные местоимения первого и второго лица можно опускать» [Иванова, Ницолова 1995: 21]. Мы утверждаем, что при немаркированном варианте высказывания с такими местоимениями их, как правило, не только можно, но и нужно опускать.

кативную неудачу, потому что референтный акт по отношению к выражаемому событию не совершится: предикативный основной элемент отсутствует в речевой ситуации, и у собеседника нет исходной точки, на которую бы он «встал», чтобы развернуть информацию о событии, приписывая ей предикативный признак. В прямом диалоге, как мы уже сказали, исходная точка находится в рамках самих речевых условий, в присутствии соответствующих лиц. Это присутствие имеет главное значение для правильного понимания данного высказывания, а глагольные окончания играют только дополняющую и подтверждающую роль. К примеру, если говорящий обратится к слушающему и задаст ему вопрос: *Разказа ли на учителката за Иван?* ‘Рассказал учительнице про Ивана?’, без подходящего предварительного текста слушающий, носитель болгарского языка, не поймет предложение как вопрос о третьем лице, хотя здесь аористная форма может относиться и к третьему лицу. Это происходит потому, что слушающий знает языковую конвенцию, согласно которой он должен приписать выраженный предикативный признак какому-то предикативному основному элементу, а без подходящего предварительного текста названный предикативный признак не может приписываться третьему лицу. Однако, если существует предварительный текст, в котором упоминается данный объект, предикативный основной элемент будет задан в предшествующих предложениях, без других языковых сигналов информация будет развертываться и предикативный признак припишется в направлении (или, как говорит Нунэн, – в «ориентации»), которое он определяет. Такой предикативный основной элемент назовем **контекстуальным ПОЭ** и будем его рассматривать как частный случай **исходного ПОЭ**; например,

Иванови се върнаха от морето. Дойдоха си вчера по обед ‘Семья Ивановых вернулась с моря. Пришли вчера около полудня’.

Он связан прежде всего с упоминанием в предшествующем тексте. У С. Димитровой [Димитрова 2009: 188] находим интересный пример **контекстуального** предикативного основного элемента, связанного со следующим текстом, в заголовке статьи в газете: *Изхарчили парите още през август, но ще се оправим* ‘Потратили деньги еще в августе, но справимся’ (далее в материале становится ясно, кому приписывается предикативный признак *изхарчили парите*).

Контекстуальный и особенно дейктический предикативные основные элементы более частотны в болгарском языке, нежели в русском, а также, как отмечают Иванова и Ницолова и в немецком, французском и английском языках (см. сноску 20).

Как следующую разновидность предикативного основного элемента выделяем и другой вид эксплицитного элемента, которому приписывается предикативный признак в одном специфическом употреблении неопределенно-личных предикатов. Речь идет о высказываниях типа: *Удариха ме много лошо* ‘Меня ударили очень больно; *Разпитаха го в полицията и го пуснаха* ‘Его расспросили в полиции и отпустили’ и др. Здесь предикативный признак приписывается какому-то объекту, который в смысловом отношении объединяет некоторый отрывок текста и который мы называем **центральный персонажем**; например:

Иван беше арестуван рано тази сутрин. Една съседка видя, че го откарват с полицейската кола. След това го разпитаха в полицията и го пуснаха. ‘Иван был арестован рано утром. Одна соседка видела, что его увозят на полицейской машине. После этого его расспросили в полиции и отпустили’.

Такой вид эксплицитного предикативного основного элемента (который не может включать подлежащего) мы назвали **персонажным**.

Наконец, упомянем еще один вид эксплицитного предикативного основного элемента, который тоже никогда не может включать подлежащего, а используется в дезагентивных высказываниях с так называемым логическим субъектом, например: *Страх*

ме е 'Мне страшно'; *Студено му е* 'Ему холодно' и т.п.²¹ Назовем такой предикативный основной элемент **экспериентивным**, потому что он обозначает того чувствующего субъекта, того экспериентора, которому приписывается предикативный признак (*страх ... е; студено ... е*); ср.: *Страх ме е* 'Мне страшно' с экспериентивным предикативным основным элементом *ме* ~ *Аз се страхувам* 'Я боюсь' с совершителем-экспериентором *аз* в исходном субъектном ПОЭ.

5. НЕМАРКИРОВАННЫЙ И МАРКИРОВАННЫЙ ПОРЯДОК СЛОВ

В нашей концепции, как уже упоминалось, высказывания можно разделить еще по одному признаку – по маркированности / немаркированности порядка слов. Речь идет о случаях, в которых говорящий прибавляет с помощью изменения немаркированного порядка слов дополнительное значение, связанное чаще всего с выражением эмоций, причинно-следственных логических связей, с требованием предшествующего текста и т.п. Например, высказыванием с немаркированным порядком слов *На улицата има хора* 'На улице есть люди' говорящий приписывает **локативному** предикативному основному элементу *на улицата* какой-то признак (событие – *има хора*) и не добавляет к этому ничего другого. Если этот немаркированный порядок слов заменить обратным, маркированным: *Има хора на улицата* 'Люди на улице', это уже делает языковую форму окрашенной, добавляет какой-то подтекст (т.е. дополнительный семантический элемент с первого из двух вышеупомянутых информационных уровней), скорее всего, связанный с причинно-следственными отношениями, например: *Има хора на улицата, затова недей да викаш!* 'Люди на улице, поэтому не кричи!'.

Если же мы изменим порядок слов рассмотренного выше (в разделе 3) высказывания (3) с характером вводящего высказывания (**вводящий** ПП + **ожидаемый** ПОЭ) и с немаркированным порядком слов, мы можем получить две новые разновидности. Одна из них – следующая:

(4) *Твоите хора разговарят на улицата* 'Твои люди разговаривают на улице'.

В трансформированном высказывании (4) с прямым порядком слов **С – П**, на первый взгляд, нельзя говорить о маркированном порядке слов, потому что оно просто меняет свой вид и становится высказыванием прототипического типа (1) – высказыванием, которым предикативный признак приписывается определенной дескрипции в качестве **исходного** предикативного основного элемента (**исходный субъектный** ПОЭ + ПП).

Чтобы объяснить, почему высказывание (4) может быть истолковано и как вводящая предикативная структура (типа **вводящий** ПП + **ожидаемый** ПОЭ), но с маркированным порядком слов, мы введем понятие **речевая форма**. У этого понятия в лингвистике нет общепринятого определения, и поэтому оно толкуется и употребляется по-разному. В своей статье О.И. Москальская [Москальская 1980] рассматривает различные подходы к понятию **речевая форма**, из которых два для нас наиболее важны. Так, Е. Витгмерс определяет речевую форму как «основные типы восприятия действительности (способы мышления) и представления действительности (способы текстообразования)». С другой стороны, М. Пфюцц и Д. Блей о речевой форме говорят не только при исследовании текстов из художественной литературы, где она применяется, но и распространяют понятие на все виды речевой деятельности, характеризуют речевые формы – сообщение, описание, рассказ, динамическое описание, рассуждение – «как основные речемыслеобразующие формы <...> и основные способы общественной комму-

²¹ Выше мы определили такой ПОЭ и для предложения *Счуни ми се колата* 'У меня сломалась машина', в котором, хотя и не выражено внутреннее состояние, тоже представлено событие, которое как бы охватывает и включает в себя того, с кем это событие случилось (ср. аналогичные примеры, но о внутреннем состоянии: *Изтръпна ми кракът* 'У меня онемела нога', *Заболя ме зъб* 'У меня заболел зуб').

никации, применяемые как художественной литературой, особенно прозой, так и в различных сферах практической и научной деятельности» [Москальская 1980: 37]. В нашей работе мы принимаем именно такое толкование этого понятия. Схожими по своему значению с термином **речевая форма** являются такие понятия, как **регистры речи** (с **регистровыми вариациями**) у Г.А. Золотовой [Золотова 1995] или **речевые регистры** у С. Димитровой [Димитрова 2001], **композиционно-речевая форма передачи информации** у И.Б. Руберта [Руберт 1990], **функционально-смысловые типы речи** (или виды логических единиц) у В.В. Одинцова [Одинцов 1980] и др.

Если мы теперь вернемся к рассматриваемому выше высказыванию (4), в одной определенной речевой форме – **введении побочной повествовательной линии**, эта структура станет маркированной: когда в повествовании идет одна основная повествовательная линия о каком-то объекте, но в определенный момент вводится вторая, побочная линия повествования о другом объекте. Тогда немаркированным вариантом будет восприниматься упомянутое выше высказывание (3), которым эта вторая линия вводится, т.е. высказывание с **ожидаемым** предикативным основным элементом и с обратным порядком слов **П – С**, тогда как высказывание (4) станет маркированным, ср.:

Днес Петър беше много разсеян. Докато вървеше пеша, все за нещо си мислеше, нищо не му правеше впечатление. Твоите хора разговаряха на улицата, но той дори не ги забеляза ‘Сегодня Петр был очень рассеян. Пока шел пешком, все о чем-то думал, ничего не замечал. Твои люди разговаривали на улице, а он их даже и не увидел’;

немаркированным был бы вариант:

...нищо не му правеше впечатление. На улицата разговаряха твоите хора, но той дори не ги забеляза ‘...ничего не замечал. На улице разговаривали твои люди, а он их даже и не увидел’²².

Как результат трансформации примера (3), кроме высказывания (4), мы можем получить следующее высказывание:

(5) *На улицата твоите хора разговарят* ‘На улице твои люди разговаривают’

с прямым порядком слов **С – П**, который, однако, будет маркированным из-за позиции локализатора в топике вместо позиции после предиката (локализатор здесь не входит в исходный предикативный основной элемент, потому что тот включает препозитивное подлежащее *твоите хора* ‘твои люди’). Этим высказыванием говорящий опять, более эксплицитным способом по сравнению с немаркированным вариантом (1), обеспечивает связь с предшествующим текстом, точнее – с эвентуальным локализатором, который должен быть перед этим уже введен в какой-то текст и с которым локализатор *на улицата* или имеет один и тот же референт, или, наоборот, заменяет его другой фокусирующей перспективой; ср. для первого значения:

Надникнах през прозореца да видя има ли навън нещо съмнително. На улицата твоите хора разговаряха с някакъв непознат ‘Я глянул в окно, чтобы посмотреть, есть ли на улице что-нибудь подозрительное. Там твои люди разговаривали с каким-то незнакомцем’;

для второго значения:

Ние си седим тук на топло в стаята, а на улицата твоите хора разговарят със съседите ‘Мы здесь сидим в комнате в тепле, а на улице твои люди разговаривают с соседями’.

²² Для этого наблюдения нам дала идею толкование с несколько иной точки зрения группы примеров, названной «условия появления случайного персонажа», в работе [Селиверстова, Прозорова 1992: 215–220].

Итак, как мы уже видели, локализатор в начале предложения принадлежит **исходному ПОЭ** при немаркированном порядке слов в случаях вводящего высказывания с обратным порядком слов **П – С**: 1) локализатор + *разговаряют хора* (*хора* – неопределенная дескрипция) и 2) локализатор + *разговаряют твоите хора* (*твоите хора* – определенная дескрипция).

Отметив, что мы различаем оппозиции прямой / обратный и маркированный / немаркированный порядок слов²³, обобщим, что **немаркирован** для нас **прямой** порядок слов (**С – П**) в высказываниях типа **исходный субъектный ПОЭ + ПП**²⁴, ср.:

Хората разговаряят на улицата 'Люди разговаривают на улице'.

С другой стороны, **немаркирован обратный** порядок слов (**П – С**) в вводящих высказываниях с предикативной структурой **исходный локативный ПОЭ + вводящий ПП + ожидаемый ПОЭ**, например:

На улицата разговаряят хора 'На улице разговаривают люди' и

На улицата разговаряят твоите хора 'На улице разговаривают твои люди'.

Немаркирован обратный порядок слов, **П – С**, и с предикатами, означающими эмоции и ощущения, выраженные, однако, глагольно-именной аналитической фразой с логическим субъектом (т.е. с упомянутым выше **экспериентивным ПОЭ**) типа: *обзема ме лудост / страх / гняв / радост* 'меня охватывает сумасшествие / страх / гнев / радость' (= *полудявам / уплашвам се / разгневявам се / зарадвам се* 'сойти с ума / испугаться / разгневаться / обрадоваться'), *осенява ме мисъл* 'меня осеняет мысль', *хваща ме страх* 'меня берет страх' и др., например, в таких высказываниях:

Докато гледах тази сцена, обзе ме луда радост 'Пока я смотрел на эту сцену, меня охватила безумная радость';

Хвана ме страх само при мисълта за него 'Меня охватил страх уже при одной мысли о нем'.

Соответственно этому немаркированному порядку слов данная эмоция или ощущение вводится как **ожидаемый** предикативный основной элемент и воспринимается как одно целостное событие с вводящим предикатом, а не как **исходный** предикативный основной элемент (*радост*, *страх* и т.д.), которому бы приписывался предикативный признак (*охватывает меня*, *хватает меня* и т.д.), например: *Радость меня охватила*; *Страх меня охватил*.

Употребление таких аналитических предикатов со значением эмоции или ощущения и с **экспериентивным** предикативным основным элементом вместо соответствующего медиального глагола с субъектом-экспериентором (*зарадвам се* 'обрадоваться'; *ядосвам се* 'разозлиться') дает то преимущество, что фраза обогащается различными определениями, несущими семантические нюансы: *обзе го луда / наивна / отдавна забравена радост* 'его охватила безумная / наивная / давно забытая радость'. И при маркированном прямом порядке слов **С – П** сохраняется восприятие этих конструкций как событие, вводимое как одно целое, а не как событие с предикативной структурой **исходный субъектный ПОЭ + ПП**, хотя формально такой порядок слов соответствует именно второму толкованию, см. следующий текст (пример из [Селиверстова, Прозорова 1992]):

²³ Термин «**маркированный / немаркированный** порядок слов» является синонимом термина «**объективный / субъективный** порядок слов», который использует, например, В. Матезиус [Матезиус 1967].

²⁴ Но речевая форма «введение побочной повествовательной линии», как мы сказали, делает и его маркированным.

– Стой! Ни шагу, – крикнул он, хватая его за локоть. Ставрогин рванул руку, но не вырвал. *Бешенство охватило* его: схватив Верховенского за волосы левой рукой, он бросил его изо всей силы об землю и вышел в ворота.

Как отмечают авторы, такой (**маркированный**, с нашей точки зрения) порядок слов используется, когда из самого выражаемого события вытекает какое-то следствие (как и в примере: *схватив Верховенского за волосы левой рукой, он...*). Так, в выделенном предложении с прямым порядком слов не выражен исходный предикативный основной элемент *бешенство*, которому бы приписывался предикативный признак *охватило меня*, оно выражает одно целое вводимое событие: *его охватывает бешенство*. И при этом маркированном порядке слов говорящий выражает какой-то дополнительный подтекст, в данном случае – эксплицирование при помощи порядка слов упомянутой причинно-следственной связи.

Есть, конечно, и другие причины, которые заставляют говорящего трансформировать немаркированный порядок слов в маркированный (такой причиной в болгарском языке является также и эмоциональность, ср. немаркированное высказывание: *Тази къща е хубава* ‘Этот дом – красив’ с маркированным: *Хубава е тази къща!* ‘Красив этот дом!’), но для нас достаточно отметить следующее:

– при немаркированном порядке слов **С – П** выражается структура **исходный субъектный ПОЭ + ПП**;

– при немаркированном порядке слов **П – С** вводится целое событие с **вводящим ПП** и **ожидаемым ПОЭ**, причем эта семантика сильнее выражается с подлежащим в форме без определительного члена;

– маркированный порядок слов не меняет прагматическую семантику, выражаемую немаркированным вариантом, а добавляет к ней дополнительный прагматико-семантический оттенок.

6. ВИДЫ ПРЕДИКАТИВНЫХ ОСНОВНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ В БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ

В различных языках основные предикативные структуры высказывания в большей или меньшей степени различаются, но в близкородственных языках, каковы, например, болгарский и сербский, сходства являются определяющими. Можем обобщить, что в высказывании непременно должен быть какой-то предикативный основной элемент, эксплицитный или имплицитный, которому приписывается предикативный признак. Из своих наблюдений над болгарским языком (как над агентивными, так и над дезагентивными высказываниями)²⁵ мы вывели следующие виды предикативного основного элемента:

Эксплицитные ПОЭ:

1) **исходный** с двумя разновидностями: а) субъектный или б) локативный, с вариантами:

2) **контекстуальный исходный ПОЭ**, тоже а) субъектный или б) локативный;

3) **ожидаемый** – только субъектный ПОЭ;

4) **экспериментивный ПОЭ**, который характерен для дезагентивов с логическим субъектом типа: *страх ме е* ‘мне страшно’;

5) **персонажный** – в неопределенно-личных конструкциях типа: *удариха ме* ‘меня ударили’.

Два последних вида предикативного основного элемента отличаются от первых трех тем, что предикат грамматически не согласуется с ними, потому что они не принадлежат к двум основным видам предикативного основного элемента: исходного субъектного и ожидаемого;

²⁵ Возможность делать наблюдения и над дезагентивными наряду с агентивными высказываниями, по нашему мнению, в большой степени способствует проникновению в более глубокие слои синтаксиса и прагматики.

Имплицитные ПОЭ:

6) **дейктический** – только в агентивных высказываниях, где а) высказывание выражает конкретную внеязыковую ситуацию – с референтным агенсом (*аз, ние* ‘я, мы’; *ти, вие* ‘ты, вы’), и б) высказывание выражает генерализованную ситуацию – с генерализованным агенсом (с обобщенно-личными формами в 1 л. мн. ч. и 2 л.);

7) **ситуативный** – только в дезагентивных высказываниях: а) о конкретной ситуации и б) о генерализованной ситуации.

Приведем примеры для каждого из перечисленных видов:

1а) *Момичето полива цветята* ‘Девушка поливает цветы’; 1б) *В градината растат цветя* ‘В саду растут цветы’ – в агентивных высказываниях;

1а) *Градината е полята* – ‘Сад полит’; 1б) *В градината са посадени красиви цветя* ‘В саду посажены красивые цветы’ – в дезагентивных высказываниях.

2а) *Момичето живее на долния етаж. Полива цветята си всеки ден по едно и също време* ‘Девушка живет на нижнем этаже. Поливает свои цветы каждый день в одно и то же время’; 2б) *В градината ни е много хубаво. Растат цветя, пеят птички* ‘В нашем саду очень красиво. Растут цветы, птички поют’ – в агентивных высказываниях;

2а) *Градината е огряна от слънце. Полята е още рано сутринта* ‘Сад озарен солнцем. Полит еще рано утром’; 2б) *В градината ни всичко е прекрасно. Посадени са красиви цветя, пеят птички...* ‘В нашем саду все прекрасно. Посажены красивые цветы, птички поют...’ – в дезагентивных высказываниях.

3) *В стаята влязоха двама селяни* ‘В комнату вошли два крестьянина’ – в агентивном высказывании; *В списъка бяха записани 5 нови имена* ‘В списке было записано пять новых имен’ – в дезагентивном высказывании.

4) *Скучно ми е с Иван* ‘Мне скучно с Иваном’.

5) *Убедиха ме да си продам колата* ‘Меня убедили продать машину’.

6а) *Днес се връщаш вкъщи уморен* ‘Сегодня /ты/ возвращаешься домой утомленным’ – в высказывании о конкретном, референтном событии;

6б) *Връщаш се вкъщи уморен, но жена ти започва със скандалите – това живот ли е?!* ‘/Ты/ Возвращаешься домой утомленным, но твоя жена начинает скандалить – и разве это жизнь?!’ – в генерализованном высказывании.

7а) *Я виж ти, построили са нов хотел!* ‘Ты смотри, построили новый отель!’ – с неопределенно-личной формой; *Чу ли, че се говори, че ще повишават заплатите?* ‘Ты слышал, говорят (букв.: говорится), что повысят зарплаты?’ с безличным пассивом;

7б) *Когато се яде, не се приказва!* – букв. ‘Когда естся, не говорится!’ (возможен только в безлично-пассивной конструкции; со сказуемым в неопределенно-личной форме такой предикативный основной элемент, закрепленный за генерализованной ситуацией, в болгарском языке, в отличие от русского, невозможен).

Наконец, кроме предикативного основного элемента и предикативного признака (а также, при необходимости, и пациенса) в предикативной структуре может участвовать и топик – он появляется только тогда, когда начальную позицию занимает не исходный предикативный основной элемент, субъектный или локативный, а какая-то другая часть предложения (такой частью может быть и какая-нибудь из других разновидностей ПОЭ, ср.: *Твоята кола я намериха в парка* ‘Твою машину нашли в парке’, где вводящий предикативный признак приписывается персонажному ПОЭ *твоята кола* ‘твою машину’, расположенному в топике вместо позиции после предиката). Заполнение топика всегда делает предикативную структуру маркированной, добавляя к семантике предложения более выраженную функцию коннектора в тексте (когда там помещен пациенс или адресат) или выражая какое-то дополнительное значение (ср. немаркированную предикативную структуру для приведенного выше примера: *Намериха колата ти в парка* ‘Нашли твою машину в парке’, где говорящий не акцентирует связанность с прежним текстом).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Богранд, Дреслер 1995 – *Р. дьо Богранд, В. Дреслер*. Увод в текстовата лингвистика. София, 1995.
- Бондарко 1991 – *А.В. Бондарко*. К определению понятия «залоговость» // А.В. Бондарко (отв. ред.). Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб., 1991.
- Бондарко 1992 – *А.В. Бондарко*. Субъектно-предикатно-объектные ситуации // А.В. Бондарко (отв. ред.). Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность. СПб., 1992.
- Ван Валин, Фоли 1982 – *Р. Ван Валин, У. Фоли*. Референциально-ролевая грамматика // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 11. М., 1982.
- ван Дейк 1978 – *Т.А. ван Дейк*. Вопросы прагматики текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. М., 1978.
- Димитрова 2001 – *С. Димитрова*. Към въпроса за изграждането на речеви формации в различни комуникативно-прагматични ситуации // С. Димитрова (ред.). Прагматика на текста. Българско езикознание. Т. 2. София, 2001.
- Димитрова 2009 – *С. Димитрова*. Лингвистична прагматика. София, 2009.
- Золотова 1995 – *Г.А. Золотова*. Говорящее лицо и структура текста // Ю.С. Степанов (ред.). Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. М., 1995.
- Иванова, Ницолова 1995 – *К. Иванова, Р. Ницолова*. Ние, говорещите хора. София, 1995.
- Кацнельсон 1972 – *С.Д. Кацнельсон*. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
- Кацнельсон 1974 – *С.Д. Кацнельсон*. О категории субъекта предложения // В.Н. Ярцева (отв. ред.). Универсалии и типологические исследования. М., 1974.
- Ли, Томпсон 1982 – *Ч.Н. Ли, С.А. Томпсон*. Подлежащее и топик: новая типология языков // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 11. М., 1982.
- Матезиус 1967 – *В. Матезиус*. О так называемом актуальном членении предложения // Н.А. Кондрашова (ред.). Пражский лингвистический кружок. М., 1967.
- Москальская 1980 – *О.И. Москальская*. Семантика текста // ВЯ. 1980. № 6.
- Нунэн 1982 – *М. Нунэн*. О подлежащих и топиках // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 11. М., 1982.
- Одинцов 1980 – *В.В. Одинцов*. Стилистика текста. М., 1980.
- Остин 1996 – *Дж. Остин*. Как с думи се вършат неща. София, 1996.
- Пфютце 1978 – *М. Пфютце*. Грамматика и лингвистика текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. М., 1978.
- Руберт 1990 – *И.Б. Руберт*. Коммуникативно-прагматический аспект типологии текстов малых форм // Е.А. Гончарова (отв. ред.). Прагматический аспект предложения и текста. Л., 1990.
- Селиверстова, Прозорова 1992 – *О.Н. Селиверстова, Л.А. Прозорова*. Коммуникативная перспектива высказывания // А.В. Бондарко (отв. ред.). Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность. СПб., 1992.
- Серль 1986 – *Дж.Р. Серль*. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М., 1986.
- Успенский 1970 – *Б.А. Успенский*. Поэтика композиции. М., 1970.
- Чейф 1982 – *У. Чейф*. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топик и точка зрения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 11. М., 1982.
- Шахтер 1982 – *И. Шахтер*. Рольные и референциальные свойства подлежащих // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 11. М., 1982.
- Birner 2006 – *B. Birner*. Inferential relations and noncanonical word order // Drawing the boundaries of meaning: Neo-Gricean studies in pragmatics and semantics in honor of Laurence R. Horn. Amsterdam, 2006.
- Birner, Ward 2009 – *B.J. Birner, G. Ward*. Information structure and syntactic structure // Language and linguistics compass. 2009. V. 3. № 4.
- Büring 1997 – *D. Büring*. The meaning of topic and focus: The 59th Street bridge accent. London, 1997.
- Givón 1992 – *T. Givón*. The grammar of referential coherence as mental processing instructions // Linguistics. 1992. V. 30.
- Givón 2001 – *T. Givón*. Syntax: An introduction. V. 1. Amsterdam, 2001.
- Jaszczolt 2002 – *K.M. Jaszczolt*. Semantics and pragmatics meaning in language and discourse. London, 2002.

- Labov 2011 – *W. Labov*. Oral narratives of personal experience // Cambridge encyclopedia of the language sciences. Cambridge, 2011.
- Lambrecht 1996 – *K. Lambrecht*. Information structure and sentence form. Topic, focus and the mental representations of discourse referents. Cambridge, 1996.
- Schiffrin 2001 – *D. Schiffrin*. Discourse markers: Language, meaning, and context // D. Schiffrin, D. Tannen, H. Hamilton (eds.). The handbook of discourse analysis. Oxford, 2001.
- Van Valin 2004 – *R.D. Van Valin*. An introduction to syntax. Cambridge, 2004.

Сведения об авторе:

Димка Василева Савова
Софийский университет им. Св. Климента Охридского
dimkasav@abv.bg